Слова на стене

Автор:
Джулия Уолтон

Слова на стене

Джулия Уолтон

Настоящая сенсация!

В гости к подростку Адаму по очереди заглядывают:

1. Босс итальянской мафии.

2. Парень, предпочитающий ходить голышом.

3. Комический мужской дуэт.

4. И наконец, красивая девушка Ребекка…

Казалось бы, что может быть у них общего?

А объединяет их только одно: эти «гости» являются постоянными галлюцинациями Адама, которому врачи поставили неутешительный диагноз «шизофрения».

Однако он не сдается и пытается просто жить, как бы сложно ни было. Учится, участвует в школьном спектакле, заводит девушку, лучшего друга и даже, как и всякий нормальный старшеклассник, заклятого врага.

И еще Адам изо всех сил старается не потерять чувство юмора – а это очень нелегко в ситуации, когда галлюцинации того и гляди возьмут верх над разумом…

Уолтон Джулия

Слова на стене

Посвящается Дуги,

который держит меня за руку,

чтобы я не потерялась

Глава 1

Начальная доза 0,5 мг. Адам Петрацелли, 16 лет, участник клинических испытаний препарата «тозапрекс». Он проявляет нежелание общаться во время психотерапевтических сеансов. Настаивает на исключительно невербальном общении. Это вполне вписывается в общую статистическую картину, если учесть его нежелание активно участвовать в психотерапевтических сеансах во время клинических испытаний препарата.

15 августа 2012 года

Мой первый врач говорил, что это необычно, когда симптомы проявляются в таком юном возрасте. Как правило, мужчинам-шизофреникам диагноз ставится в возрасте 20–30 лет. Помню, я тогда еще подумал: «Вот ведь дерьмо! Это же замечательно – оказывается, я необычный человек!»

Наверное, предполагается, что я не должен ругаться в своих записях.

Вот ведь дерьмо!

Но при этом вы же сами говорили, чтобы я отнесся к ним как к строго конфиденциальным и что вы их никогда не используете против меня. Вот почему я не вижу причин, почему бы не выбирать те слова, которыми мне удобно выражать свои мысли. А еще я не стану волноваться, не заканчиваю ли я предложение предлогом. Или не начинаю его с подчинительного союза. Если мои записи – это, как вы выразились, «пространство, где я выражаю себя», значит, я буду писать о том, что я думаю, теми словами, которыми я думаю.

Я отвечу на ваши вопросы, но не на наших сеансах. Я сделаю это здесь, на бумаге, где смогу увидеть все то, что написал, перед тем, как передать записи вам. Таким образом, я смогу отредактировать то, что вы видите, и избежать ненужной информации, из-за которой меня могут вышвырнуть с проекта клинических испытаний лекарства.

Когда я с кем-нибудь разговариваю, я не всегда говорю то, что хочу сказать. Но невозможно проглотить слова, если вы уже произнесли их. Поэтому мне вообще лучше помалкивать, если, конечно, у меня получится. Вам просто придется смириться с этим.

Как я понимаю, у вас возникли вопросы относительно моей болезни. Когда люди узнают об этом, они уже не могут говорить ни о чем другом. Вы, наверное, знаете, что по этой причине мои мать и отчим выбрали именно вас. Потому что у вас имеется опыт.

Это достаточно честно. Могу заметить, что вы прекрасно знаете свое дело. Пауза продолжалась, наверное, минуты две, после чего вы протянули мне блокнот, куда велели записывать впечатления о наших сеансах, если мне не захочется разговаривать во время их проведения, а так оно и есть. И это не потому, что я не хочу выздоравливать, а потому, что мне не хочется быть здесь. А если выразиться точней, я не хочу, чтобы все это было правдой. Я предпочел бы вообще игнорировать психотерапевтические сеансы. Притвориться, что их как бы вовсе не существует в реальной жизни. Это потому, что я знаю, что, если я буду находиться тут, это все равно ничего не исправит. А вот лекарство могло бы, кстати сказать.

Вы спросили меня, когда я впервые заметил, что со мной что-то не так. Что происходят какие-то изменения.

Поначалу я решил, что все дело в моих очках. Да-да, будто бы все происходит именно из-за этого оптического прибора для исправления зрения, как их еще называют.

Я стал носить их в двенадцать лет, потому что до этого постоянно щурился, и это бесило маму. Доктор Льюнг, который мне очень нравился, очень просто решил эту проблему, прописав мне очки.

И проблема исчезла. Я стал хорошо видеть, и мама была счастлива.

Но в то же самое время я осознал и то, что вижу некоторые вещи, которые не видят другие люди. И только я один дергал головой и щурился, чтобы получше разглядеть тот или иной несуществующий предмет. А все остальные при этом смотрели на меня, а не на птиц, которые влетали в открытое окно, и не на тех странных людей, которые то и дело появлялись в гостиной. Вот поэтому я перестал носить очки, а маме сказал, что потерял их. На какое-то время уловка удалась, и я продолжал притворяться, но она в итоге купила столько пар очков, что я не мог придумать новой отговорки. Меня попросту облапошили.

Долгое время я не признавался ей в том, что вижу несуществующие предметы. Она недавно вышла замуж за отчима, и они были счастливы. Но я в конце концов рассказал ей правду, потому что у меня уже не оставалось выбора. Позвонила директор школы, и когда мама повесила трубку, то посмотрела на меня так, будто видела впервые.

– Миссис Бридзено сказала, что ты что-то искал в лабораторной комнате кабинета химии, потом начал кричать и свалился на пол.

Я помню, какой хладнокровной она оставалась в эти минуты. Мама говорила голосом Джедая, тем самым, который словно целиком накрывает тебя, если она хочет получить некую информацию.

– И что же ты там увидел?

Я не ответил ей сразу. Я снял очки и попытался представить себе, что ее тут вообще нет, что она исчезла, растворилась и выпала из комнаты сразу после того, как задала этот вопрос. У меня здорово получается верить в такие штуки. Но на этот раз все оказалось гораздо сложней. Она продолжала стоять передо

мной в ожидании ответа.

– Летучие мыши, – сказал я, глядя на свои ботинки. – Там были огромные черные летучие мыши.

Я не стал уточнять, что они были в два раза больше обычных летучих мышей, имели человеческие глаза, а из их пастей торчали клыки, похожие на гигантские иглы.

Мама расплакалась. Тогда мне захотелось, чтобы летучие мыши оказались настоящими. Чтобы эти жуткие твари сожрали меня прямо там, в лабораторной, и тогда мама бы сейчас не смотрела на меня так, будто я сошел с ума.

Мне действительно очень не хотелось оказаться сумасшедшим. Да никто и не хочет быть сумасшедшим. Но сейчас, когда я знаю, что происходит со мной, когда я понимаю, что творится в моей голове, я не хочу думать о том, что это такое – сознавать свое сумасшествие. И понимать, что в твоей семье тоже всем известно, что ты сумасшедший.

Мой отчим Пол, в общем, неплохой мужик. Он очень подходит для мамы. Они встречались много лет, прежде чем поженились, и он всегда старался участвовать в моей жизни. Он спрашивал меня о том, как дела в школе, ну и прочее. Он сам – адвокат, а потому может обеспечить маму всякими такими вещами, которые она не могла себе позволить с тех пор, как от нас ушел мой папа.

Теперь, когда Пол узнал про меня, про мою болезнь, все изменилось. Теперь он не в курсе, что со мной делать. Мы также садимся смотреть телевизор, но теперь я почти физически слышу, как он напряженно думает, когда я нахожусь в комнате. Это самое странное чувство, если не считать того, что я вижу вещи, которых на самом деле нет. Я сижу на диване рядом со взрослым мужчиной, который неожиданно начинает меня опасаться. Раньше он ничего не боялся. Трудно не принимать все это на свой счет.

А чего боюсь я сам? Ладно, проехали. Я уверен, вы скоро сами все это выясните.

Положительная сторона дела заключается в том, что Пол действительно любит мою маму. А так как мама очень любит меня, вот он и старается

соответствовать. Кстати, это ведь именно он посоветовал перевести меня в новую частную школу вместо того, чтобы снова закинуть в старую, где все ребята уже знают, что со мной происходит неладное.

Через пару недель я пойду в школу святой Агаты и стану старшеклассником. Обучение там длится 12 лет. Мама и Пол уже ввели персонал в курс дела о моем «состоянии», а так как школа католическая, они не смогли бы отказать мне. Иначе это было бы сплошным лицемерием. Из того, что мне известно про Иисуса, этот парень точно встал бы на мою сторону.

А еще Пол ясно дал понять, чтобы в новой школе никто не заводил разговоры на тему моей болезни. Как юрист он объяснил, что, с точки зрения законности, они вообще не имеют права распространяться на сей счет. Это я, конечно, оценил.

Сложно идти в девятый класс в новую школу. Но гораздо труднее подружиться с теми, кто знает, что ты видишь такие вещи, которые видеть не должен.

Глава 2

Доза 0,5 мг. Доза не меняется. Адам все еще не желает разговаривать.

22 августа 2012 года

Я стал настоящим специалистом по своему состоянию в ту же секунду, как только мне поставили диагноз. Я могу рассказать любому, кто хочет знать все о лекарствах, о самых свежих исследованиях, о том, какие имеются позитивные и негативные симптомы. Когда я употребляю слова «позитивные» и «негативные», я не имею в виду «хорошие» и «плохие». Они все просто ужасные.

«Позитивные» относятся к симптомам, вызванным расстройством. Это, например, галлюцинации.

«Негативные» симптомы уменьшаются, ослабевают в результате расстройства. Например, нехватка инициативности и мотивации поступков.

Определенного развития болезни не наблюдается. Она проявляется по-разному. Некоторые люди страдают зрительными галлюцинациями. Другие слышат голоса. А у некоторых попросту развивается паранойя. Моей маме очень бы хотелось, чтобы я рассказал вам о тех значительных шагах, которые успела сделать медицина и благодаря которым люди сейчас могут спокойно уживаться с побочными эффектами. Она у меня из тех людей, которые уверены в том, что «стакан наполовину полон».

Вся эта бодяга с видением и слышаньем разных вещей как будто явилась прямиком из историй о Гарри Поттере. Как, например, в «Тайной комнате», когда он стал слышать голос сквозь стены. Когда я держал все в секрете, я даже чувствовал себя привилегированной личностью, словно надеялся получить письмо из Хогвартса. Я еще думал тогда, что это может что-то означать.

Но потом Рон все испортил, когда сказал: «Слышать голоса, которые, кроме тебя, никто не слышит, – дурной знак, даже в мире волшебства». В итоге с Гарри, конечно, все обошлось, и он теперь в полном порядке. Никто не отправил его к психотерапевту и не попытался напичкать таблетками. Он просто жил в мире, где все, что он видел и слышал, оказалось реальностью. Повезло же мерзавцу!

Хотя против таблеток я на самом деле ничего не имею. С тех пор, как я перешел на новое лекарство, дела пошли получше. Правда, нельзя сказать ничего определенного до тех пор, пока я не пройду полный курс, а для этого потребуется некоторое время. Меня осторожненько втянули в это дело, как вам уже известно. Это частично объясняет тот факт, что мне нужно раз в неделю сидеть в вашем кабинете, чтобы вы определили наличие каких-либо проблем, а потом доложили обо всем врачам, проводящим клинические испытания этого лекарства.

Вы спрашивали, что мне известно о моем лечении. Поэтому для начала я расскажу вам все то, что вы уже сами знаете. Лекарство называется тозапрекс, и оно, судя по прилагающейся инструкции, может вызывать, кроме всего прочего: 1) уменьшение числа лейкоцитов (а это препятствует сопротивлению тела болезням); 2) приступы; 3) резко понижает кровяное давление; 4) головокружение; 5) затрудненное дыхание и 6) сильные головные боли.

Моим врачам удалось убедить мою маму в том, что самые ужасные побочные эффекты в действительности встречаются достаточно редко. И чтобы она не волновалась. Ха-ха-ха! Вот уж, в самом деле! Только не волнуйтесь!

Мне довелось прочувствовать на себе некоторые из побочных эффектов. В основном это головные боли. Это когда что-то словно гнездится у тебя в голове и начинает пульсировать, пока ему это не надоест и оно само не прекратится. Я не чувствую, что обязан активно реагировать на все, что творится у меня в мозгу, и одно это уже приятно. Правда, галлюцинации от этого осознания не исчезают. Все равно я вижу то, чего видеть не должен был бы. Разница только в том, что я понимаю, что не должен их видеть, вот и все.

Что же это за видения? Давайте начнем с того, кого именно я вижу. Например, Ребекку. Теперь я понимаю, что она ненастоящая, потому что она никогда не меняется. Она красивая и высокая – настоящая дылда, с огромными голубыми глазами и длинными – до пояса – волосами. Она очень милая и никогда не разговаривает. Если ее рассматривать как галлюцинацию, то она совершенно безвредна. Я только один раз видел, как она плачет, это как раз в тот день, когда мама выяснила про меня всю правду. Но даже когда это произошло, я еще считал, что Ребекка настоящая. Я не понимал только, что она плачет потому, что плакал тогда я сам.

Нет, Ребекка не единственная из моих галлюцинаций, просто о других я не хочу говорить. Чем больше я о них думаю, тем более вероятно, что они появятся, а вот они… они все только портят. Иногда кажется, что они, наоборот, только и ждут, когда я окончательно успокоюсь, и в тот же миг выплывают на поверхность.

Как бы там ни было, видения в любом случае начинаются с какой-нибудь мелочи, словно нечто незначительное начинает двигаться, что я вижу только краем глаза. Или же я слышу голос, который поначалу кажется мне знакомым, но при этом он остается со мной на протяжении нескольких часов. Или это просто ощущение того, что кто-то как будто пристально следит за мной. Но это просто смешно – потому что кому это может понадобиться, верно? Тем не менее я держу жалюзи закрытыми и сам не понимаю, зачем это делаю. Наверное, мне просто требуется уединение. Иногда хочется на самом деле почувствовать, что ты тут один.

Месяц назад, когда я еще не начал принимать тозапрекс, я не мог точно сказать, когда именно теряю контроль над собой. Я начинал испытывать страх без всяких на то оснований. Все, что я видел, казалось мне настоящим. Как только галлюцинации начинались, остановить их было уже невозможно, и я мог застревать в них часами.

Теперь же, когда мой мозг начинает давать сбой, я, по крайней мере, наблюдаю за происходящим, как в кино. Этакая компьютерная графика. Иногда эти видения даже прекрасны. Например, я могу увидеть поле с высокой травой, которая вдруг взрывается целым облаком разноцветных бабочек. Иногда сладкий голос поет мне серенаду, и я могу заснуть под нее. Теперь, когда я знаю, что все это нереально, я уже ничего не боюсь. Поэтому все становится таким милым. Только если на меня кто-то набрасывается, я могу показаться со стороны каким-то припадочным.

Нет, я совершенно не волнуюсь из-за того, что скоро начнется учебный год.

Я уже получил новую форму. Это белая рубашка поло, красный шерстяной жилет со школьной символикой и отвратительно короткие и грубые ярко-синие шорты, напоминающие на ощупь слоновью шкуру. Я прочитал все, что требовалось для уроков, и теперь готов к занятиям, как никто другой.

Хотя, знаете, что еще? Я никак не могу понять, как вы можете сидеть у себя в кабинете и читать все эти записи вслух в течение целого часа, пока я все это время молчу. Это же дикость какая-то. Хотя я и сам сумасшедший, но я точно знаю, что это – настоящая дикость.

Глава 3

Доза 0,5 мг. Доза не меняется. У Адама начинается учебный год. Он по-прежнему не желает разговаривать. Возможно, новое окружение сработает как катализатор по отношению к прогрессу в лечении.

29 августа 2012 года

Достаточно говенно начинать учебный год перед Днем труда. Очень говенно, я хочу подчеркнуть. Правда, первая неделя в школе в любом случае – дерьмо то еще. И к тому же она еще не закончилась.

У меня нет водительских прав, и я не стремлюсь получить их в ближайшем будущем. Это, пожалуй, еще один факт, который мне нужно уяснить для себя и понимать всю ответственность за обладание правами. Да и не стоят они всех переживаний.

В свою предыдущую школу я ходил пешком, но мама настояла на том, чтобы в первый день в новую школу она отвезла меня на машине. Она вела себя как-то очень уж странно. Мне показалось, что она изо всех сил пыталась сделать вид, будто ничего особенного не происходит, а сама долго не могла тронуться с места. Когда наконец мы подъехали к веренице автомобилей перед школой, она улыбнулась и сказала:

– Хорошего тебе дня!

Я сразу понял, что она хочет поцеловать меня на прощание. Только как-то раз, когда мне было еще восемь лет, я разозлился на нее за то, что она целует меня при людях, и с тех пор она больше этого не делает. Зря я тогда так поступил.

Я постарался поскорее выкарабкаться из машины вместе со своим рюкзаком. Я хотел ободряюще улыбнуться ей, но в последний момент забыл об этом. Поэтому она наверняка подумала, что я нервничаю, хотя я был совершенно спокоен.

У вас были ко мне вопросы относительно самого первого дня в школе. Давайте сейчас на них и сосредоточимся, хорошо?

Вы спросили меня, насколько новая школа отличается от старой. Да в общем ничем они не отличаются, если не считать школьной формы. Все выглядели достаточно жалкими, словно еще не проснулись до конца и не все успели осознать. И в глазах у каждого немой вопрос: «Почему именно мне это досталось?» Ну вот в этом, наверное, выражается некая солидарность.

Моей первой задачей было отыскать свой персональный ящичек, положить туда вещи и после этого встретиться со школьным посредником. Видимо, с ним имеют дело все новые ученики и в его обязанности входит познакомить новенького со школой и проводить его до кабинета, где будет проходить первый урок. Посредник ждал меня в кабинете администрации, и по его виду я сразу понял, что он – тот еще засранец. Нет, я догадался об этом не по его идиотской прическе, не потому, как он осматривал меня сверху донизу, пока мы обменивались рукопожатиями, и даже не потому, что он жевал жвачку с открытым ртом. Это становилось очевидным по общему виду. И еще он занимал больше пространства, чем ему, строго говоря, требовалось. Его ухмылка не достигала глаз, пока он внимательно оглядывал кабинет.

Иногда требуется достаточное количество времени, чтобы суметь сказать что-то о человеке, но этого типа я прочел сразу же, – это был типичный сборщик информации.

Я это понял еще по разговору «ни о чем», который он начал со старушкой, сидевшей тут же за конторкой. Посредник спросил ее о детях, потом сгреб целую пригоршню леденцов из стоявшей тут же банки и сунул их в свой карман. И еще я успел заметить, как он вынул изо рта жвачку, скатал ее в шарик и прилепил к обратной стороне столешницы.

Потом мы вышли в коридор.

– Тебе нужно забрать физкультурную форму, – произнес он. – А потом у тебя биология, да?

Я кивнул. В его движениях сквозила ленца, а перемещался он отработанными движениями – вроде бы и быстро, но было понятно, что он никуда не торопится. По дороге он показал мне на несколько зданий в окошке, потом, когда мы дошли до спортивного зала, сказал, указывая на какую-то дверь:

– Я подожду тебя тут.

Но когда я снова появился там со своей физкультурной формой, его уже и след простыл. Впрочем, меня это ничуть не удивило. Не то чтобы со мной проделывали нечто подобное и раньше, но у этого типа был такой вид, что он обязательно отвяжется от меня при первой же возможности. Если бы меня

спросили почему, я бы, наверное, ответил, что я тоже разочаровал его и по моему виду он понял: манипулировать мною не получится.

Я понял, что меня бессовестно надули, и почувствовал себя отвратительно еще и потому, что сейчас понятия не имел, где нахожусь и куда мне идти. Уроки еще не начались, поэтому я собирался вернуться в помещение администрации, чтобы получить схему школы с расположением разных кабинетов, как из двери слева вышла девочка с каким-то свертком, обозначенным «в администрацию». Она остановилась передо мной с удивленным видом.

– Ты потерялся? – спросила она.

– Кажется, да, – ответил я, в ту же секунду отметив про себя, что это крохотное создание было еще и симпатичным, и чуточку раздраженным так, как может разозлиться, например, птичка колибри. Она передвигалась маленькими, но деловыми шажками, и в то же время было в этом и что-то почти неуловимо грациозное.

– Разве тебе не назначили посредника? – спросила она, поправляя очки.

– Да, Йена Стоуна. Только вот он…

– Бросил тебя, – закончила она и понимающе кивнула. – Да, это на него похоже. Какой у тебя первый урок?

– Биология.

– Сюда, – сказала она и провела меня по внутреннему дворику, а потом по лестнице наверх. Я запихал спортивную форму в рюкзак и следовал за ней.

– А почему он так себя ведет?

Она посмотрела на меня так, словно сейчас я задал ей глупейший вопрос, какой она только слышала за всю жизнь.

– Его семья делает крупные пожертвования в пользу школы. Все его братья посещали ее.

– Значит, он тут вполне официальный засранец, доставшийся по наследству? – уточнил я, и на ее лице мелькнула улыбка.

– Что-то вроде того. А еще некоторым людям не нужны причины, чтобы считаться уродом. Это как бы само собой разумеется.

– Только не все это понимают, – тихо прошептал я, скорее себе.

– Большинство людей и есть самые настоящие уроды, – подтвердила она, разобрав мои слова. – А тебе сюда. – И она кивнула на дверь перед нами. Я даже не успел поблагодарить ее или узнать ее имя, а она уже куда-то исчезла.

В кабинет я зашел не последним, поэтому не испытывал никакой неловкости, когда устроился за парту рядом с невозможно бледным парнем в гольфах до колена. Он казался исключительно аккуратным и, видимо, обожал чистоту. В этом можно было убедиться, глядя на его ногти, одежду и кожу. Все у него было ослепительно белоснежным, как будто его окунули в моющее средство с хлоркой. Он тут же представился как Дуайт Олберман.

Как только он произнес это, я понял, что по-другому его и назвать-то не могли. Имя ему мог дать прямо в роддоме и незнакомец, но это было бы именно это имя и никакое другое. Я понимаю, что Адам – тоже не идеальное имя, но называться Дуайтом, да еще и так, что тебе это имя идеально подошло бы, – это просто какое-то бедствие. В этом случае я стал бы, наверное, откликаться на свое среднее имя, если бы только оно не звучало как Клетус или что-то подобное.

Когда началась перекличка, монахиня, стоявшая перед нами, не стала заставлять меня подниматься и отдельно рассказывать о себе, и это было довольно мило с ее стороны. Просто весь класс повернулся ко мне, когда было произнесено мое имя, и ребята с минуту молча пялились на меня, вот и все. Потом нас разделили на группы попарно, чтобы нам было проще работать и подытоживать главные идеи первого урока.

Моим напарником по лабораторной работе оказался Дуайт. По его виду можно было безошибочно определить, что этот парень из кожи лезет вон, чтобы произвести хорошее первое впечатление. Он почему-то напомнил мне молоденького золотистого ретривера. Теперь получается так, что на каждом

уроке мы с Дуайтом оказываемся рядом. И он при этом не прекращает болтать ни на секунду. В прямом смысле. В самом. Прямом.

Он сопровождал меня на три следующих урока, и мои ничего не значащие кивки и бормотание в знак согласия не смогли убедить его прекратить этот бесконечный диалог. Через некоторое время я воспринимал его уже как белый шум.

Как бы там ни было, отвечая на ваш вопрос, скажу, что да, новые места порой бывают коварны, поскольку у меня отсутствует компетенция в некоторых вопросах. Например, дама в желтом, направляющаяся к своей машине с пачкой бумаг в руках, кажется абсолютно нормальной, пока листки не вырываются из ее рук и не начинают кружиться вокруг нее, как стая голубей. То есть вот это, скорее всего, нереально.

Присутствие монахинь и распятий в каждом кабинете определенно делает эту школу отличной от других. И если сделать вид, что моя задница не заглатывает часть моих шорт при каждом удобном случае, тогда да, первые пару дней я чувствовал себя совершенно нормально. Но теперь я очень тоскую по джинсам, которые раньше надевал в школу. В основном из-за того, что шорты постоянно врезаются у меня между ягодицами, а это, в свою очередь, требует применения своеобразной осторожной ректальной археологии. А вот это практически невозможно, потому что на тебя все время кто-то смотрит. К счастью, большинство ребят не обращают на данную процедуру никакого внимания, потому что большинство из них страдает от того же, а потому время от времени тоже занимается вытягиванием ткани шорт из щели своей собственной задницы.

Последующие уроки для меня прошли, как в тумане. Но если ничего важного в течение первой недели на занятиях не изучают, то что тогда я тут делаю? Мне хотелось найти какой-нибудь способ объяснить учителям, чтобы они вернулись ко мне именно тогда, когда решат не тратить мое время понапрасну. А еще я вполне мог бы обойтись без этой ерунды, которую назвали знакомством со школьной библиотекой.

На уроке физкультуры меня ждало настоящее приключение. Этот урок стоял предпоследним каждый день первой недели. В самый первый день тренер Рассерт заставил нас бежать полтора километра на время. Я не то чтобы нахожусь в жуткой физической форме, нет, просто обычно я вообще никуда и никогда не бегаю. Дуайт попытался завязать разговор во время этого тяжкого

испытания, что меня несколько раздражало, но вообще-то и произвело определенное впечатление. Я еще не встречал человека, который был так одержим беспрерывной болтовней.

– Ты занимаешься каким-нибудь спортом? В баскетбол играешь? – спросил он. Баскетбол для меня имеет некий смысл. Я на голову выше всех остальных учеников, поэтому, когда я иду по коридору, мне кажется, что я очутился в стране Оз и хожу среди Жевунов.

– Не-а, – ответил я.

– Ты первый год учишься в католической школе?

– Ага.

– А по старой школе скучаешь? – продолжал он.

– Не-а, – отозвался я.

Я не старался казаться дебилом. Просто не хотелось, чтобы меня стошнило во время забега, поэтому односложные ответы показались мне самыми безопасными. Пара других учеников уже блеванули в сторону от беговой дорожки, а один парень не заметил этого, поскользнулся и упал на спину. Какая-то девчонка достала телефон и принялась снимать все это на камеру, пока у нее этот телефон не отобрали. Целое лето полного отсутствия физических нагрузок, безусловно, дает о себе знать и собирает дань за наше праздное существование.

На самом деле Дуайт был не самым плохим спутником во время забега. Его присутствие сделало весь процесс не таким болезненным, потому что он постоянно отвлекал меня от мысли о том, насколько же я ненавижу бег. То есть действительно НЕНАВИЖУ. Я бы предпочел делать почти все, что угодно, лишь бы не бегать. Девушка, которая спасла меня чуть раньше, уже обогнала нас на дистанции на целый круг и закончила свою милю. Наблюдать за тем, как она движется, оказалось впечатляюще. Даже несмотря на свои короткие ноги, она практически летела над беговой дорожкой. Она исчезла буквально через секунду до того, как Дуайт успел сообщить мне ее имя. Ее звали Майя.

Коротко и мило. Ее имя вполне соответствовало ей самой.

Я пробежал свою милю за десять минут и тридцать секунд и при этом еще радовался тому, что я не последний и не хриплю. И все равно тренер выглядел разочарованным. Но вы и представить себе не можете, насколько тогда мне это было безразлично. Вся его работа заключается в том, что он только и делает, что наблюдает за тем, как мы бежим. И ВСЕ. И его разочарование должно было бы хоть чуточку расстроить меня?

Нет, я не думаю, что дети в этой школе какие-то другие. Просто немного богаче. Наверное, нет такого стиля в дорогой одежде, который разделял бы их по каким-то признакам. Тут все дело в аксессуарах. Мальчики предпочитают дизайнерские часы и брендовые рюкзачки. У них даже стрижки кажутся более дорогими.

Что касается девчонок, здесь они бросают друг дружке вызов более открыто. Если вы разбираетесь в брендах дорогих туфелек, тогда, наверное, вы поймете, в чем суть. Лично я же определяю тут все по запаху. Ароматы их парфюма колеблются от фруктовой ерундовины до изысканных тонких ноток чистоты и свежести, встречающихся только в дорогих спа-салонах модных гостиниц. И никто не пользуется духами скромно. Можно подумать, что нам приходится ежедневно преодолевать некое ядовитое облако испарений. Иногда даже хочется хорошенько пукнуть, чтобы очистить воздух.

Но они в каком-то смысле и другие, потому что они уже хорошо знают друг друга. Даже их родители знакомы между собой. Я сказал «родители», но в основном это, конечно, мамочки. Похоже, никто из них не работает, поэтому у них находится свободное время, чтобы не отставать одна от другой. Их выводки по три-четыре человека ходят в эту школу уже несколько лет подряд. Они играют в одной футбольной команде. Участвуют в тех же школьных пьесах. И все тут знают друг друга. Вот поэтому, наверное, все и кажется таким странным и диким. В моей старой школе родители ни с кем не откровенничали, поскольку торопились по своим делам, и у них не имелось и лишней минутки, чтобы поболтать по утрам. Им нужно было поскорей выпихнуть детей в школу, а самим отправляться на работу.

Да, еще тут мы уже распределили по всем кабинетам, кто где будет сидеть, что, по-моему, довольно смехотворно. В старой школе все садились так, как им хотелось. Когда ты становишься старшеклассником, предполагается, что ты

умеешь себя контролировать, но здесь у них свои правила. И, как мне кажется, не без причины, поскольку тут полно мятежников. Двух девчонок уже отправили с урока, чтобы они надели юбки подлинней и смыли всю косметику. И еще, кстати: их обеих зовут Мэри.

Под конец своего первого дня я опять увидел Йена. Он шел с группой парней, которые, хотя и не были одеты в спецформу, все чем-то напоминали его самого. Точнее, одинаковым оказалось их выражение лица, но все равно. Как только прозвенел звонок, группа рассыпалась, и все ребята разбрелись по своим кабинетам, однако Йен оставался на месте. Он наблюдал за группой девушек, разговаривающих в коридоре. Было что-то зловещее в его взгляде. У одной из девчонок лет двенадцати, с ярко-рыжими волосами, стянутыми в конский хвост, открылся рюкзак, откуда высовывался блокнот с пурпурной обложкой.

Я был единственным свидетелем того, как Йен выхватил блокнот и запихнул его в ближайшую урну, после чего, довольный собой, удалился. Нет, он не усмехался. Было похоже на то, что он был просто удовлетворен своей работой, которую привык выполнять. Девушка же, напротив, пошла дальше, не осознавая, что произошло. Вот почему я сразу выдернул блокнот из урны и помчался к ней.

– Ты только что выронила вот это, – сказал я.

– Ой, спасибо! – Она просияла, явно испытав облегчение. – Тут моя работа в течение лета. Ну, мне бы и не поздоровилось!..

Народ в коридоре поредел, и когда я повернулся, чтобы идти к своему шкафчику, то встретился взглядом с Йеном. Он наблюдал за тем, как я выудил блокнот из урны, и сознавал, что я тоже видел, как он сунул его туда. Это был странный момент: по его виду я понимал, что он злился за то, что я поймал его на месте преступления, но выражение его лица оставалось нейтральным. Мне стало интересно – какую информацию он собирал в ту минуту? Что он подумал обо мне?

Я решил немного помочь ему и быстро переключил его внимание на свою персону.

На его лице расплылась широкая улыбка, и он куда-то исчез. На этот раз надолго. Я оставался на месте и недоумевал – как же можно быть настолько

умышленно недоброжелательным и противным? Интересно, как он вообще может жить со всем своим «багажом».

Кроме этого жопомордого Йена Стоуна, недружелюбных личностей тут нет. Хотя иногда я ловлю на себе любопытные взгляды учеников. Это потому, что школа маленькая, а я здесь – новенький, да еще и среди старшеклассников. Вот в такие моменты, как правило, и появляется Ребекка. Ей не нравится, когда я остаюсь один. Она остается на границе моего бокового зрения и пытается отвлечь меня, когда надвигается что-то очень уж неприятное. Например, сомнение или страх или когда накапливается нервная энергия, которая может легко перерасти в срыв. Тогда она может пройтись «колесом», походить на руках или начать жонглировать фруктами.

Ребекка и меня учила жонглировать. Разве такое возможно? Научиться жонглировать у того, кого не существует в реальности?! Похоже, такое могло произойти подсознательно, если вы видели данную ленту в ютубе. Но я помню, что научился этому именно у нее. Я помню, как смотрел на ее руки и летающие яблоки, а потом сам повторял все движения. Она была терпелива и показывала мне, как правильно жонглировать, снова и снова, пока я не стал все это делать самостоятельно. Но наверное, тут мне нельзя доверять, потому что я сумасшедший.

Так или иначе, в пятницу у нас начинаются религиозные занятия в церкви.

Да, перед этим я получил определенные инструкции. В детстве я посещал церковь, и мать объяснила мне основные религиозные принципы, поэтому, как я понимаю, с моей стороны все это будет сплошной игрой и притворством. Правда, на сегодняшний день я хорошо научился вести себя так, как положено, а не так, как мне хочется, и это стало моей второй натурой. А церковь как раз и создана для людей, которые верят в то, чего нельзя увидеть. А вот моя жизнь заключается в том, что я вижу то, чего не должен видеть и во что не должен верить. Вот тут мы и наблюдаем этакую милую симметрию.

Так или иначе, но это лекарство можно назвать просто невероятным. На самом деле мне нужно было только лишь определенное расстояние до галлюцинаций. Просто небольшой промежуток пространства, чтобы можно было хорошенько рассмотреть, что же именно там происходит. А картинки могут быть разными, и необязательно что плохими. Иногда они очень даже сносные. Правда! Насчет этого я никогда не стал бы жаловаться.

Пока никаких галлюцинаций у меня больше не было. Они появятся, когда это понадобится им самим. Так всегда бывает.

Глава 4

Доза 1 мг. Реакция на увеличение дозы достаточно мягкая. Адам проинформирован о своей новой школьной среде. На данной стадии галлюцинации, как кажется, не являются слишком частыми и навязчивыми. Продолжаем наблюдать за его привязанностью по отношению к ним.

5 сентября 2012 года

Похоже, то, что я не верю в Бога, на самом деле не имеет никакого значения. Католики больше заботятся о том, чтобы все вовремя посещали церковь. Каждый день в одиннадцать часов начинают звонить церковные колокола. Мы все должны встать и прочитать наизусть молитву святому Августину. Ровным и лишенным каких-либо эмоций голосом. Хором.

Не уверен, что смогу к этому когда-нибудь привыкнуть.

Если верить брошюре, что лежит у нас на холодильнике, школа святой Агаты – самая старая частная школа в штате. Она была названа в честь женщины, которая, как полагают, «отказала мужчине, пристававшему к ней с любовными ухаживаниями». Впоследствии ей отрезали грудь как бы в знак ее покаяния. Ну, как-то так. Католики вообще любят прославлять дикие поступки.

Сама церковь часто упоминается в сборнике «Аркитекчурал дайджест» из-за своего впечатляющего кирпичного фасада и оригинальной четырехэтажной колокольни. И еще один плюс, из-за чего я хожу туда с удовольствием: это витражи, которые были доставлены сюда самолетом из Италии в 1900-е годы и благословлены самим папой римским Львом XIII незадолго до его смерти.

У мамы и Пола было на уме несколько частных школ, из которых следовало выбрать одну. Еще одна школа для мальчиков находилась в двадцати минутах ходьбы от нашего дома, но мама решила, что там из меня воспитают самого настоящего «мачо». Это, разумеется, ее слова, а не мои. После посещения этой школы мама сказала только одно: ее шокировала их военизированная школьная форма. Пол при этом неопределенно пожал плечами. Он всегда прислушивался к ее мнению, отдав ей в этом вопросе роль лидера.

Забавно еще и то, что в школу святой Агаты ходил в свое время и сам Пол. И хотя сам я никогда не интересовался религиозными вопросами, а моя мама скорее приобретет по случаю целительные кристаллы, чем отправится в церковь, тем не менее ей показалось правильным отправить меня в школу в старинное здание с красивым кирпичным фасадом, и от этого она почувствовала себя по-настоящему счастливой. Я не собирался спорить с ней, потому что мне все равно, куда идти. Это просто место, где я должен находиться какое-то время.

По существу, это и есть самая обыкновенная церковь, одна из тех, где вам уже приходилось бывать. Полуобнаженные ангелы. Неудобные деревянные скамьи со спинками. И запах горелого ладана, от чего создается впечатление, будто кто-то неподалеку поджаривает грязное белье. Да, и еще стыд. Тут воняет самым настоящим стыдом.

Кстати, о стыде. Я полагаю, что привлекательный образ школьницы-католички – это только клише, но тут я вдобавок еще и убедился в том, что плиссированная юбка и жилетка могут действительно отвлечь внимание. В течение нескольких минут, когда я прогуливался в пятницу по школьным коридорам, я успел заметить, как две монахини с линейками в руках отводили девочек в сторонку и измеряли открытые участки ног от края юбки до колена. До этого момента я и не предполагал, что монашки способны на такое до сих пор. Я даже не сразу понял, что стою и пялюсь на эту сцену, а потом опять замешкался и не сразу догадался, что нас всех повели в церковь на мессу. Ребекка шла за мной в бледно-лиловом платье, которое так и сияло на фоне нашей синей с красным школьной формы.

Она не сердится на меня за то, что я больше с ней не разговариваю. Уверен, что поначалу она просто негодовала, когда я начал принимать лекарство, но теперь, как мне кажется, все успокоилось. Если бы она существовала на самом деле, я бы заметил, что это она, а не я, никогда не разговаривала со мной, но ведь это не может служить весомым аргументом, видите ли. Но я до сих пор все еще то

кивком, то закатыванием глаз показываю ей, что вижу ее. Мне не хочется выглядеть полным козлом.

На пути в церковь я внезапно ощущаю, как что-то влажное шлепнулось о мою шею сзади. Мокрый бумажный шарик. Я даже подпрыгнул от неожиданности. Но когда я повернулся назад, одна из монахинь так злобно сверкнула на меня глазами, что я понял – в этот момент она пожелала мне мучительной смерти. Где-то позади хохотнул Йен и пара ребят. Тогда я развернулся уже полностью, хотя продолжал идти. Я разозлился не на шутку. Я и поверить не мог, что кто-то еще до сих пор плюется из трубочки такими вот бумажными шариками. И в ту же секунду я с удивлением осознал, что за всю свою жизнь никого не ударил. Мне кажется, я бы с радостью ударил того, кто заслуживает это по праву.

Конечно, тут никакой самодеятельности. А вот настоящего подлеца я бы с удовольствием отколошматил. Видите ли, это имеет отношение к понятию «моментальная» карма. Вы меня понимаете?

Дело не в том, что я ни разу в жизни не был в церкви. Я уже прошел все церковные таинства, которые полагается, учитывая мой возраст. Так что в моем послужном списке одни только плюсики, чтобы обеспечить дорогу прямо в рай. Мама постаралась все сделать именно так, потому что знала, что если бы бабушка об этом ведала, то была бы просто счастлива.

Но тут для меня было все новое, а поэтому я немного нервничал. Мы только что увеличили дозировку лекарства. Помните? Это отмечено где-то в ваших записях, я уверен. Но тут есть еще кое-что, о чем вы должны немедленно узнать.

Я никому не рассказываю о своих головокружениях. Не то чтобы я никому не смог об этом рассказать, но тот, с кем я сумел бы поговорить в церкви, был слишком занят – это наш церковный служка. Мне кажется, что церковь – это как раз то единственное место, где Дуайт по-настоящему затыкается. Мне даже было как-то странно наблюдать за тем, что он тихо сидит на скамейке и ничего не говорит своим соседям. Правда, мантия на нем выглядела как-то совсем уж по-дурацки, поэтому я вовсе не виню его за то, что у него был такой вид, словно он помалкивал и только ждал того момента, когда же это все закончится.

Как бы там ни было, мы только прошли первое чтение. А это, насколько я помню католическую мессу из своего детства, означает, что священник еще потребует

не менее получаса пристального внимания прихожан. Или даже больше, если проповедь предполагалась исключительно поучительной, как это обычно бывает. Поэтому я смиренно сложил руки на коленях и стал ждать, когда все вокруг перестанет вертеться.

Я пытался сосредоточить взгляд на чем-либо неподвижном, но церковь была полна суетившихся ребят, которые постоянно возились со своими формами. Тогда я посмотрел на витражи, расположенные над алтарем. Это были кальварии – 14 изображений крестного пути Христа.

Когда нам показывали школу, то сказали, что перед Пасхой каждый класс (кроме начальных) будет представлять свою интерпретацию кальварий. Одного ученика выберут на роль Иисуса. Его измажут фальшивой кровью и заставят тащить тяжелый фанерный крест по церковному полу. Другими словами, он будет задействован на всех стадиях по пути к распятию.

Это взволновало только меня одного.

Хотя эти витражи достаточно величественны и прекрасны. И ужасающи одновременно. Есть что-то успокаивающее в золотых и красных оттенках, когда на них падают солнечные лучи. В стекле даже кровь на лице Иисуса кажется чуть менее угрожающей. Однако уже через несколько минут я понял, что тут что-то не так.

Грудь Иисуса начала вздыматься и опадать. Я отвел от него взгляд и сосредоточился на шестом изображении. Там женщина по имени Вероника выступает из толпы, чтобы стереть кровь и пот с лица Иисуса, когда его ведут на смерть. Это моя любимая картина и, бесспорно, самая добрая из всех кальварий. Но когда я внимательно посмотрел на нее пару секунд, женщина начала дышать. Ее цветное платье почернело, и она повернулась лицом ко мне. После чего все остальные фигуры на картине тоже обернулись на меня.

Даже ангелы пристально смотрели в мою сторону, их стеклянные лица отражали утренний свет. Непонятный ветер зашелестел в их крыльях. Я закрыл глаза и наклонил голову, надеясь теперь лишь на то, что ребята по соседству решат, будто я усердно молюсь. Ангелы продолжали внимательно наблюдать за мной со стекла. Я хорошо понимал, что если снова посмотрю на них, то уже просто не смогу отвести взгляда.

Именно в этот момент я почувствовал, что Ребекка смотрит мне прямо в спину. Когда я обернулся, она улыбнулась мне. Это была ее привычная улыбка на тот случай, когда она понимала, что что-то идет не так, но только не хотела раздувать из этого большую проблему. Я знал и то, что все это не по-настоящему. Я знал, что она сама ненастоящая, хотя в тот момент в этом я не мог себя убедить. Я попытался сосредоточиться на причастии, которое сейчас проходило в церкви.

Я не стал вставать ради этого. Ну, вы, наверное, знаете, это когда раздают кусочки тела Христова, представляющие собой черствые облатки.

Смешно и то, что некоторые люди до сих пор удивляются, если ты не принимаешь участия в этом таинстве. Когда я был еще маленьким, мама объясняла мне это тем, будто эти люди считают, что слишком грешны для того, чтобы принимать тело Христово. Но даже если бы я не чувствовал себя так странно, мне не понравилась бы даже сама мысль о том, что какой-то старикан начнет совать мне в рот еду. Или эта затея делить чашу с вином еще с сотней незнакомых людей. Это самое вопиющее из всего того, что мне доводилось видеть. Из рук в руки передается одна и та же винная чаша. Ее вытирают, поворачивают и передают следующему. Как будто если ты протрешь край чаши одной и той же белой тряпкой, она магическим образом очистится. Кровь Христова… и слюна вон той девочки с подозрительным герпесом.

Вскоре Ребекка пересела на крайнее место впереди, через два ряда от меня. Она перебирала пальцами пряди волос и выглядела озабоченно. Мне захотелось успокоить ее, но тогда все бы обратили внимание на меня и на то, что я разговариваю с пустым местом. Хотя это и не ее вина в том, что она ненастоящая.

Вместо этого я сильней сгорбился и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы справиться с головокружением.

– С тобой все в порядке? – прошептала девушка по соседству со мной. Через мгновение я понял, что это была Майя, а еще через миг я уже объяснял ей, что меня просто мучает головная боль, что, по сути, не было стопроцентной ложью. Я часто говорю об этом. Но сейчас меня беспокоило еще и то, что я сомневался – сидела ли она рядом все время, пока мы находились в церкви, или же пересела сюда только недавно.

Не говоря больше ни слова, Майя встала со своего места и направилась к проходу, а скоро и вообще исчезла из вида. Но уже через минуту она вернулась с бутылкой в руке, которую тут же и передала мне.

Я обрадовался, что она принесла мне воды, а не аспирин. Я же не мог объяснить ей, что принимаю определенные лекарства, и теперь неизвестно, как это скажется на моем организме.

Потому что у меня зрительные галлюцинации, и еще я слышу голоса.

– Пей, – сказала она. – Иногда это помогает.

– Спасибо, – прошептал я в ответ. – Меня зовут Адам.

– Майя, – сказала она, снова обращая свое внимание к алтарю. Дуайт, разумеется, давно уже сказал мне ее имя, но я воспринял данную информацию как совершенно новую для себя, после чего постарался смотреть на нее, пользуясь исключительно своим периферийным зрением. Еще Дуайт сказал мне, что ее фамилия Сальвадор, и я уверен, что она филиппинка. Ее короткие каштановые волосы ровными аккуратными прядями едва доходят ей до плеч. Меня поразило еще и то, как ей удалось пропутешествовать вдоль всего ряда скамей, добыть воды и вернуться назад, не вызывая при этом гнева монахини, находившейся в конце ряда. Монахини, как правило, быстро находили наказание за любое нарушение правил во время мессы. Однако в этом случае Майя двигалась с такой решительностью, что никто не мог даже возразить против ее перемещений. Сестра Катерина только кивнула в ее направлении.

Я бы так легко никогда не отделался.

Майя внимательно слушала священника. Я видел, насколько сосредоточен был ее взгляд, однако время от времени он перемещался в мою сторону.

Только через минуту я догадался, что таким образом она проверяет, все ли со мной в порядке.

Я сделал вид, что мне это было безразлично.

В моей старой школе у меня были друзья. Я вырос вместе с ними. Катался на велосипедах. Ускользал из дома после начала «комендантского часа». Но когда они узнали, что со мной случилось, то начали бояться меня, как это произошло и с Полом. А после одного случая в школе и моего странного поведения они вообще перестали приходить ко мне и звонить.

С Майклом и Кевином мы дружили с пяти лет. Мы даже числились в одной команде по детскому бейсболу. Правда, они присылали мне открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления, наверное, по требованию своих мам, после того, как я ушел из школы, но домой ко мне не наведывались. Мой лучший друг Тодд вообще бесследно исчез.

Скорей выздоравливай.

Как будто сумасшествие – это одно из тех заболеваний, которое пройдет, если хорошенько выспаться.

Но я понимаю, что им было страшно, и я не сержусь на них за это.

Я почувствовал, как кто-то толкнул меня в руку, и увидел, что Майя снова смотрит на меня.

– Все в порядке, – тихонько произнес я. Она смерила меня оценивающим взглядом, потом отвернулась, но при этом, судя по всему, не была уверена в том, что я не соврал.

Ангелы на витражах все еще наблюдали за мной, но я уже не обращал на это внимания.

Ребекка появилась передо мной и, обернувшись, улыбнулась, кивком указав на Майю.

После мессы все триста учеников прошагали по лужайке и вернулись в свои классы. У меня был урок по теории религии, которую преподавала сестра Катерина. Только на этом уроке я уже вместе не с Дуайтом, а с Майей. Сестра Катерина – самая молодая учительница в школе, но одновременно и самая

крутая невеста Христова из всех, кого я когда-либо видел. Она бы ломала линейки, будь ее воля, а когда она по-настоящему сердится, то так морщит лоб, что ее белесые брови практически исчезают совсем.

– Сегодня, – сказала она, – я хочу посмотреть, насколько прилежно вы приготовили домашнее задание.

Она подняла повыше красный молитвенник, который мы все получили по почте за месяц до начала учебного года. Одним из заданий являлось прочитать все молитвы, но сейчас губы сестры Катерины скривились в маниакальной усмешке.

– Я бы хотела, чтобы вы написали мне все молитвы Розария, молитву святому Августину и Аве Мария по памяти, – добавила она.

Весь класс дружно застонал. Выучить все молитвы наизусть не входило в летнее задание. Наверное, поэтому на лице Майи тоже отразилось раздражение. Она поджала губы и с отвращением наморщила носик. Даже ярые католики наверняка не помнят все молитвы Розария наизусть, но если бы Майя знала о таком задании заранее, она бы, наверное, вызубрила их все. Я уже чувствовал, что она как раз из такой породы людей.

– Это не для зачета, – продолжала сестра Катерина. – Но если вы напишите молитвы все до одной правильно, у вас не будет домашних заданий по религии до конца учебного года. У вас имеется один час.

Улыбка у нее получилась победной, но больше отталкивающей.

Я вообще-то хорошо запоминаю разные вещи. Это, пожалуй, одна из способностей, которые у меня не отобрала моя маленькая проблемка. Иногда люди с моим состоянием здоровья с трудом упорядочивают свои мысли, однако мне сохранность информации никогда не казалась сложным делом. Летом мне понадобилось, наверное, всего около часа, чтобы вытравить все эти тексты на стенки моей памяти, поэтому сейчас мне нужно было минут пятнадцать, чтобы излить все эти данные назад на бумагу. Майя удивленно подняла брови, глядя в мою сторону, когда я закончил работу раньше всех, но тут же снова вернулась к своей тетради. Как я понял, она пыталась шепотом воспроизвести то, что написала, поскольку это прозвучало как молитва.

Я, в общем, не любитель молитв, но в одной из них, посвященной Богородице, есть такая строчка:

К тебе взываем мы, изгнанные дети Евы.

Предполагается, что здесь мы должны ощутить полное опустошение и горе. Но мне чудится самое настоящее нытье. Это когда ты поссорился с папой и бежишь жаловаться маме.

К тебе взываем мы…

В конце урока я сдал свой листок и вышел в коридор, с облегчением думая о том, что у меня теперь, по крайней мере, по этому предмету не будет домашних заданий. Я наблюдал за тем, как Майя передвигается в толпе учеников, и даже улыбнулся, обратив внимание на то, как ловко она маневрирует, никого не задевая. Ее сверкающие каштановые волосы, волнами колышущиеся над плечами, напомнили мне горячий шоколад. Наверное, я наблюдал за ней внимательнее, чем требовалось.

Ребекка сидела сверху шкафчиков, подтянув колени к груди и улыбаясь чему-то своему. У нее было дурацкое мечтательное выражение лица, и это почему-то меня даже немного напугало.

* * *

Мы с Дуайтом обедаем вместе каждый день. Не уверен, что с моей стороны это был добровольный выбор, но я не возражал, потому что это здорово – иметь соседа по столику, с которым можно поесть. Иначе почувствуешь себя неловко – или ты обедаешь в одиночестве, или толкаешься с подносом, пытаясь отыскать свободное местечко, когда все вокруг уже давно занято. Конечно, тут не надо переживать по поводу того, что никто не бросается тебе на помощь и не уступает место, хотя, конечно, все это довольно неприятно.

Майя обедает с другими девчонками в дальнем конце столовой. Подальше от супербогатых ребят, которые располагаются в центре зала. Сегодня она посмотрела в мою сторону, но я тут же отвернулся, чтобы она не заметила, что я пялюсь на нее. Правда, получилось как-то неубедительно.

Так или иначе, но мы сидим с Дуайтом за одним столиком. Иногда я разговариваю, но в основном этим занимается он. Теперь я знаю про него гораздо больше, чем ожидал узнать. Например, что в средних классах он был служкой. А с девяти лет – веганом, потому что сам видел, как курам отрубают головы на ферме у его двоюродной бабушки. И еще Рыцарем Колумба с тех самых пор, как его мама заполнила соответствующую анкету и стала заставлять его посещать собрания вместе с его дедушкой. Если вы не знаете, то «Рыцари Колумба» – это католическая организация, состоящая в основном из морщинистых стариков и их сыновей, которые собирают деньги на благотворительность, а иногда проводят политические кампании, направленные на охрану католических ценностей. Например, они призывают иметь столько детей, сколько человек в состоянии родить, а также не есть мясо по пятницам во время Великого поста. Йен и еще многие парни в моей школе тоже были такими рыцарями. Дуайта рано втянули в это дело, но его это, похоже, совсем не тяготило.

Он не обижается, если я не разговариваю, и это меня радует, особенно если я вижу что-то странное и стараюсь сделать вид, что ничего не замечаю.

Например, сегодня в столовую ввалились гангстеры в полосатых костюмах. Когда начались выстрелы, я поморщился, но лекарство сработало, и я сдержался.

– С тобой все в порядке? – спросил Дуайт.

– Да, все отлично, – соврал я. – Голова болит.

Я наблюдал за тем, как последний бандит повалился на пол, истекая кровью на чистом линолеуме. Гангстеры даже немножко дергались уже после того, как умирали, наверное, для большего эффекта. Совсем как в кино. Я вглядывался в их бледные мертвые лица несколько секунд. Они все походили на тех, кого снимали в «Крестном отце». А главный мафиози посмотрел мне в глаза, после чего выскользнул в дверь и растворился в море школьных форм.

В моих галлюцинациях участвуют знакомые персонажи. Я и раньше видел бандитов, но сегодня впервые остался спокойно сидеть на своем месте, когда раздались выстрелы.

Прогресс.

Глава 5

Доза 1 мг. Дозировка прежняя. Похоже, субъект настроен более враждебно, чем на предыдущих сеансах.

12 сентября 2012 года

– Итак, ты расскажешь мне о своем отце?

Вот дерьмо! Много времени все это не заняло. Всего четыре недели работы, и вот мы уже в состоянии диагностировать все мои проблемы. И даже сам эпицентр моего безумия. То есть настоящую причину всего того, что сейчас во мне происходит, и почему я такой, какой есть.

Мой папуля бросил меня.

Вот это вы ждете и хотите услышать от меня, да? Что я ранен эмоционально, потому что папочка ушел от нас и не пожелал выполнять роль любящего отца? Или что я виню его в своей болезни? Ну, это было бы очень просто.

Только нельзя винить в болезни другого человека. Даже если бы мне этого захотелось. Это, наверное, самая большая глупость, о какой я вообще слышал. Неужели вы считаете меня таким законченным лузером, что мне нужен кто-то, кого я мог бы обвинять в своей беде? Как бы там ни было, но болезнь берет начало со стороны матери.

А папочка мой просто козел. Это правда, которую нельзя отрицать. Он ушел от нас, когда мне было восемь лет.

Когда отец не пришел домой на ужин как-то вечером, мама сказала мне, что он больше вообще не придет. Я хорошо помню, как она выглядела в тот момент, когда сообщала мне новость. Как будто вся кровь разом отхлынула от ее лица. Мама не плакала. Она просто выглядела уставшей.

Вот поэтому мой папа самый настоящий козел.

Моя мама всегда была уставшей. Каждый день, возвращаясь домой с работы, она казалась вконец измотанной. А отец никогда и не старался облегчить ей жизнь. Может, даже и лучше, что он ушел, потому что он никогда не смог бы стать тем человеком, в котором мы так нуждались. Даже не так. Не то что не смог бы. Он даже и стараться не стал бы.

Я не знаю точно, куда он отправился после этого. Если мама что-то знала, она мне об этом не говорила. А я и не спрашивал.

Через несколько лет я получил от него письмо. Мне тогда было уже одиннадцать лет, и я приучился выхватывать всю почту из почтового ящика еще до того, как до него добиралась мама. Обратный адрес гласил, что корреспонденция пришла откуда-то из Барстоу в штате Калифорния. После того как я его прочитал, то сразу и порвал, но содержание все равно запомнил.

Дорогой Адам!

Я столько раз начинал писать это письмо тебе, но у меня не хватало сил отправить его. Твоя мама всегда была очень хорошей женщиной. В любой ситуации она знает, что надо делать. Она умеет избавляться от проблем, и они исчезают, как по волшебству. Вот она какая, и вот почему я в нее влюбился.

Но вот я… Проблема как раз во мне. Я не мог разбивать ей сердце, пока она ждала, когда же я стану тем самым мужчиной, который ей нужен.

Что касается тебя, я думаю, что без меня тебе будет лучше. И я хочу, чтобы у тебя были все шансы на успех. Я должен тебе, по крайней мере, хотя бы это.

Папа.

И ни слова о том, что он любит меня.

Я не стал отвечать ему или говорить маме про письмо, отправить которое он не мог целых три года, потому что у него не хватало на это «сил». Сколько же усилий надо вообще-то приложить, чтобы написать это проклятое письмо? Тринадцать строчек. Я их пересчитал. Такой тяжкий труд просто вымотал тебя всего, да, пап?

Но он хотя бы был честен. Он понимал, что он – самый настоящий трус. И знал, что мама заслуживает лучшего.

Но правда заключалась еще и в том, что он ведь не любил нас. Когда ты любишь, то стараешься стать лучше.

Поэтому я и не скучаю по нему.

Глава 6

Доза 1,5 мг. Увеличение дозы, кажется, дает положительные результаты. Субъект отмечает учащение в появлении галлюцинаций, но реакция на такие галлюцинации остается минимальной. Отличный прогресс.

19 сентября 2012 года

Наши отношения кажутся мне весьма странными, потому что вы уже знаете, что врачи увеличили мне дозу тозапрекса. И вам уже известно, что тут имеются побочные эффекты. А так как вы психолог с гарвардским образованием, то понимаете, в чем выражаются эти побочные эффекты.

Но настроение у меня хорошее, лекарство отлично работает, поэтому я расскажу вам о «своем опыте» с побочкой.

Головные боли приходят и уходят. Большей частью, когда я нахожусь в толпе, где происходит движение. Еще отмечается чувствительность к свету. И учащение галлюцинаций.

Особенно приятно то, что я на все сто процентов различаю, что реально, а что – нет. У меня уже нет приступов паники, как раньше, когда, например, я не до конца был уверен в том, горит моя кровать или нет. Но я вижу вещи, которые видеть не должен, буквально повсюду. Это, например, мужчина в дорогом костюме и с большим металлическим кейсом, который постоянно раскрывается, а его содержимое высыпается наружу. Или женщина с огромной собакой, которую эта псина волочит по лужайке. Есть еще один мрачный тип, который маячит на границе моего бокового зрения. Он все время скрывается в переулках. Еще мафиози. Ребекка. Других я вижу по одному разу, да и то нечасто.

Если учесть, что моя фамилия Петрацелли, я думаю, вам может показаться логичным тот факт, что мне мерещатся мафиози. Наверное, это обязательные персонажи у всех мужчин-шизофреников из Италии, да? Я не знаю, обязан ли своими галлюцинациями итальянскому происхождению или же тому факту, что в свое время моя мама была буквально одержима фильмами про «Крестного отца».

Только не напоминайте ей об этом. Мне бы очень не хотелось, чтобы она начала обвинять себя хоть в какой-то части моего безумия.

Впрочем, да, я полагаю, что галлюцинации действительно являются какими-то символами или чем-то вроде того. Например, с мафиози не договоришься. Братки выполняют приказы мрачного дона, руки которого постоянно должны быть чистыми, и запачкать их он не может. И хотя от моего дома до мест обитания итальянской мафии как до Луны, тем не менее, когда они появляются, они мне почему-то совсем не кажутся иностранцами. Наоборот, создается впечатление, что как раз тут они очень даже к месту. Они как ласки из фильма «Кто подставил кролика Роджера» – просто мерзкие братки, то и дело повторяющие «да, босс» своими громкими гнусавыми голосами.

Время от времени я вижу новую галлюцинацию, такую, какой раньше никогда не было, и вот тут-то мне надо быть особенно осторожным, потому что это может быть вовсе и не галлюцинация – просто новый человек, которого я вижу впервые. Поэтому я жду, когда появятся какие-нибудь знаки. Например,

странный цвет глаз. Необычный голос. Тот факт, что остальные не видят его в тот момент, когда он совершает какой-то весьма неординарный поступок. Пожалуй, это была единственная причина, по которой я определил, что старушка в спортивном костюме, бегущая по нашей улице, была галлюцинацией. Она сделала несколько сальто назад у нашего дома. Парочка с коляской, перемещавшаяся рядом, даже внимания на нее не обратила, а я уверен, что как раз они-то и были реальными.

Я не совсем уверен, можно ли это считать побочным эффектом лекарства, поэтому расскажу вам, что произошло, а вы потом сами все мне объясните.

В школе святой Агаты имеется бассейн. Мальчикам и девочкам одновременно плавать в нем нельзя, потому что купальники и плавки считаются провокационными и внушают сексуально озабоченной молодежи грязные мысли. Мне хотелось ответить на это, что грязные мысли будут появляться и без купальников, но ладно, дело не в этом. На этой неделе нас разбили на группы, и мы должны были плавать по дорожкам определенное количество кругов.

Я не думал, что можно ненавидеть что-то больше бега, но скажу вот что: я намного больше мотивирован плавать, поскольку альтернативой будет возможность утонуть на дне бассейна, куда, как мне кажется, писают все ученики.

Я вынырнул и держал голову над водой достаточно долго, чтобы увидеть, что Йен плывет через пару дорожек от меня. Ненавижу признавать это, но пловец он отличный. Он закончил свою дистанцию быстрее всех и провел оставшееся время, сидя на краю бассейна и наблюдая за остальными учениками с выражением явного превосходства на лице. Он поморщился, глядя в сторону Дуайта, нарочито подчеркивая свою надменность. Надо сказать, что Дуайт плыл просто отвратительно, хуже не бывает, и он был единственным учеником с зажимом для носа и ярко-голубыми очками для плавания. Но я уверен, что Йен смотрел бы на него с величайшим презрением в любом случае.

А вот чтобы разобраться в произошедшем дальше, мне потребуется ваша помощь. Я понимаю, что персонажи моих галлюцинаций – не самые надежные люди, но иногда мне кажется, что они пытаются рассказать мне о чем-то таком, чего я сам видеть не могу. Это вам о чем-нибудь говорит?

В раздевалке я оставался последним. Я как раз закончил одеваться, как неожиданно услышал громкий плеск воды. Ребекка, сидевшая, скрестив ноги, тут же на скамейке и ожидавшая, когда же я отсюда удалюсь, пулей вылетела из комнаты. Именно так. Она не кружилась в безумии и не кидалась на стены, пытаясь найти выход. Она целеустремленно рванулась к бассейну, а так как подобное происходило в моей жизни впервые, я последовал за ней.

Бассейн оказался пуст, если не считать одно-единственное барахтавшееся в воде тело, запутавшееся между веревок с поплавками, разделяющих плавательные дорожки. Я не захватил с собой очки, но мне сразу стало ясно, что, кто бы там сейчас ни был в воде, он явно не умел плавать. Поэтому я тут же прыгнул в бассейн. Я рассчитал так, что даже если тонущий окажется галлюцинацией, самое худшее, что со мной случится, – так это я просто вымокну.

Пытаться спасти тонущего человека – дело совсем не такое чарующее и эффектное, как это может показаться на слух. Как только я добрался на достаточное расстояние, чтобы помочь, я тут же был награжден ударом в лицо со стороны тонущего, отчаянно работавшего всеми конечностями, чтобы оставаться на поверхности.

– Прекрати трепыхаться! – заорал я.

– Почему? Чтобы побыстрей утонуть? – Терпящей бедствие оказалась Майя.

– Нет, – задыхался я, одновременно ощущая вкус крови, капавшей у меня из носа, – чтобы я смог схватить тебя и утащить к бортику.

Она еще сомневалась, боясь отпустить спасительный поплавок, но в итоге мне все же удалось оторвать ее от него, и с моей помощью мы оба доплыли до лесенки у края бассейна. Она поднялась по ней, и ее тут же вырвало рядом с водостоком.

– Ты что, не умеешь плавать? – спросил я, глубоко дыша. Она бросила на меня недовольный взгляд за то, что я задаю глупые вопросы, ответ на которые вполне очевиден. – Ну хорошо, – смягчился я, – тогда по какой такой причине ты вообще там оказалась?

Майя кивком указала на стопку планшетов с зажимами для бумаг, валявшихся у двери.

– Тренер Руссерт попросил меня занести вот это в его кабинет по дороге на урок английского, – пояснила она.

– И ты решила заодно немного поплавать? – спросил я. В этот момент кровотечение из носа у меня усилилось, но она продолжала сверлить меня недовольным взглядом.

Потом указала на обрушившуюся башню из спасательных жилетов и добавила:

– Я споткнулась.

Вскоре после этого мы оба почувствовали себя довольно неуютно. Одновременно мы ощутили, что промокли насквозь, лежа на полу возле бассейна рядом с лужей из рвоты Майи, а кровотечение у меня так и не проходило. Положительным моментом оказалось лишь то, что это неловкое положение нас обоих каким-то образом смягчило ее.

– Прости меня вот за это, – сказала она, указывая на мое лицо.

– Все в порядке, – соврал я, тогда как на самом деле чувствовал себя отвратительно. Нос жутко болел, хотя я, конечно, не собирался ей об этом рассказывать.

Мы оба поднялись с пола и с минуту молча стояли, переминаясь с ноги на ногу. Если нечто подобное происходит в кино, далее обязательно следует бурная любовная сцена или, по крайней мере, клятва в вечной дружбе. А мы только пялились друг на друга, и наконец Майя произнесла:

– Спасибо, что спас мне жизнь.

И это прозвучало совсем не драматично, потому что было сказано таким голосом, что только у Диснея в мультфильмах смешней получилось бы.

– Пожалуйста, – отозвался я. На какую-то долю секунды я увидел, что она улыбается, и эффект оказался просто потрясающим. Правда, насладиться им я так и не успел. Майя рванулась в сторону девчачьей раздевалки и исчезла за дверью, оставив меня размышлять над тем, что тут, черт побери, только что вообще произошло.

Неужели я метнулся на звук всплеска воды как раз в тот миг, когда она свалилась в бассейн?

Или я побежал вслед за Ребеккой?

А это вообще важно?

Моя первая исповедь в школе святой Агаты произошла после мессы в прошлую пятницу. Исповедаться приходят все классы по очереди, и я не перестаю удивляться, сколько же времени занимает вся эта процедура. Своей очереди приходится ждать около двух часов. Потом пять минут со священником и еще пять минут на коленях. Это же уйма времени, которую можно было бы потратить, например, на изучение наук.

Я вырос в католической семье, но исповедался только один раз, когда мне было примерно восемь лет, поскольку именно в этом возрасте дети идут на свою первую в жизни исповедь. Надо ли говорить, что тогда мне было мало в чем признаваться? У восьмилетних накапливается не очень много грехов. Тем не менее я испытывал некоторое чувство вины, о чем и рассказал священнику, и, похоже, его это вполне удовлетворило.

Я не могу понять, почему кто-то должен чувствовать себя обязанным рассказывать совершенно незнакомому человеку обо всех своих прегрешениях (как вот я сижу тут и говорю с вами о своих проблемах). Что еще более важно, я ни на секунду не верю в то, что кто-то действительно искренне это делает.

Просто вы пока ждете в очереди, успеваете обо всем хорошенько подумать.

А это, в свою очередь, вызывает вопрос: а насколько часто люди вообще испытывают чувство вины? Потому что, если говорить обо мне, я все делаю

неправильно. В общем, я не испытываю вины по поводу своих поступков. Более того, мне совестно именно потому, что мне НЕ СОВЕСТНО за свои поступки и действия. Как, например, вчера. Я уже сочинил внутренний монолог о том, как бы я передал кому-нибудь свою шизофрению, если бы только смог. Для этой цели я бы выбрал такого человека, который действительно бы все это заслуживал. И как бы здорово я себя ощущал после того, как отдал ее навсегда, сознавая, что больше не имею к ней никакого отношения!

Вот тогда я бы испытал самое расчудесное чувство облегчения, и на долю секунды я ощутил себя счастливым оттого, что можно перекинуть свои проблемы на кого-то другого. Потом мне стало бы стыдно от того, что мне совсем не стыдно за такие мысли. Поскольку получается, что я – жуткий человек, да?

Я огляделся по сторонам, останавливаясь на лицах тех, кто стоял в очереди на исповедь. Все эти люди отчаянно скучали.

Майя сидела на скамейке через проход. Она улыбнулась мне, потом закатила глаза вверх, будто говоря мне: «Все это глупо». Я ответил ей такой же мимикой: «Да, я понимаю». Правда, я не могу сказать точно, какое именно у меня получилось выражение лица, так что, возможно, она неправильно восприняла мое послание. Может, мой вид вообще ни о чем ей не рассказал. Я впервые увидел ее после того случая в бассейне, но почему-то теперь это уже не связывалось у меня с какой-либо неловкостью.

Церковный хор тренировался перед выступлением на воскресной мессе, и когда они запели, я весь съежился. Я обнаружил, что могу очень легко пропускать информацию мимо себя, если мне того хотелось, и не позволять ей завладеть собой, если, например, она неинтересная. Но только если это не церковная песня. Тогда любое дерьмо впивается в мой мозг и остается там уже навеки.

Наступила моя очередь. Я зашел в исповедальню и встал на колени перед загородкой с сетчатым окошком. После этого я произнес те слова, которые и должен был произнести:

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил. Со времени моей последней исповеди прошло восемь лет.

– Почему же так много, сын мой? – Это был священник, пришедший к нам на замену. Он говорил с ирландским акцентом и иногда читал проповеди вместо отца Бенджамина. Ненавижу, когда кто-то говорит «сын мой», обращаясь не к собственному сыну, а к кому-то еще. Это ужасно. Но он действительно ирландец, а это делает его чуточку более интересным, чем среднестатистический американский священник. Ну, что-то вроде лепрекона, который исполняет желания. Я представил себе, как он говорит: «Они всегда требуют у меня амулеты», после чего постарался заставить себя испытать чувство вины. Но ничего не получилось. Было просто смешно.

– Я считаю, что рассказывать кому-то о своих грехах – пустая трата времени.

Я даже услышал, как священник заерзал на своем стуле. Наверное, с моей стороны было грубо произносить такие слова, но, конечно, гораздо хуже – врать, находясь в исповедальне.

– Трата времени? – переспросил он.

– Да, – подтвердил я и тут же добавил: – Простите.

Я ждал, что отец Патрик просунет руки через сетку и задушит меня. Но ничего подобного не произошло. Тишина становилась невыносимой, пока я не почувствовал необходимость заговорить первым:

– Я не довел вас до сердечного приступа?

Я с радостью услышал, как священник рассмеялся и сказал:

– Нет.

– Неужели люди, как правило, просто приходят к вам сюда, рассказывают о своих грехах, а потом, веселые и счастливые, идут дальше по жизни?

– Как правило, – сказал он. Я чувствовал, что он все еще улыбается. – Но иногда появляется какой-нибудь ребенок вроде тебя, которому нужно докопаться до сути дела.

– И что же вы им рассказываете? – спросил я.

– Что когда кто-то рассказывает о своих грехах… то есть по-настоящему признается в них, рассказывает о них другому человеку, он будто признает тот факт, что он сам – дефектный.

– Вы думаете, что мы не знаем, что мы дефектные? Только почему это надо постоянно втирать нам в мозги?

Некоторое время отец Патрик молчал, потом заговорил:

– Ты поверишь мне, если я скажу, что это – своеобразный способ общения с Богом?

– А если я не верю в Бога? – Он снова заерзал на стуле. Наверное, потому, что подобные изречения нарушают безопасность его работы.

– Тогда используй это время с тем, чтобы подумать над вопросом: а каким бы человеком тебе самому хотелось бы стать. Или, по крайней мере, – тихо закончил он, – поверь в себя.

Совсем не то я ожидал услышать от него, но я поскорей покинул исповедальню, прежде чем он успел назначить мне чтение молитв в качестве «домашнего задания».

Логично все оценив, я был бы просто обязан все их честно отчитать.

Когда я вышел из исповедальни, сестра Катерина указала мне на скамью слева от себя и при этом прижала указательный палец к губам, как будто мне пять лет и я не в курсе того, что тут нельзя ни свистеть, ни орать от радости, что все закончилось, когда ты перемещаешься по проходу к своему месту. Майя устроилась как раз напротив меня через проход. И молилась. Предположительно.

Я смиренно присел в своем ряду, при этом склонил голову, как положено, и закрыл глаза. Уже через секунду я понял, что кто-то усаживается рядом со мной.

– Привет! – прошептала Майя.

– Привет! – так же шепотом отозвался я. – У тебя не будет неприятностей за то, что ты в церкви ведешь беседы?

– Нет, только нужно говорить очень тихо и целеустремленно направлять взгляд вперед, – спокойно сообщила она. – Иногда Святой Дух приказывает молиться не про себя, а вслух. – Она закатила глаза и улыбнулась. – Как твой нос?

– Неплохо, – соврал я. Я не собирался жаловаться ей на то, что он до сих пор болит, особенно теперь, когда Майя явно чувствовала себя виноватой в этом. К счастью, синяка не осталось, он просто болел, и все.

– Послушай. Сестра Катерина будет спрашивать тебя, хочешь ли ты войти в нашу ученую команду. Я подслушала после уроков, как она говорила с другой учительницей и рассказывала ей про то, как ты запомнил все те молитвы.

– Это группа лузеров, которые участвуют в турнирах десятиборья?

– Это мы самые и есть, – сказала Майя, приподнимая брови. По-моему, я ляпнул что-то не то, назвав ее лузером.

– Пожалуйста, – продолжала она, словно и не заметив этого, – соглашайся. Мы уже все тоже согласились. Кроме того, тебе нужно будет обязательно выбрать себе факультатив. Если ты не играешь на музыкальном инструменте и не занимаешься в спортивной секции, тебе остается ученая команда.

– Значит, на самом деле у меня-то и выбора никакого нет.

– Ну, ты очень высокий. Ты в баскетбол играешь?

Я рассмеялся, но тут же спохватился и закашлялся, как только сестра Катерина повернулась в мою сторону. В старой школе меня как-то раз зачислили в команду, но выяснилось, что у меня нарушена координация движений. Я даже очки не могу спокойно водрузить на нос, не ткнув при этом дужкой себе в глаз. Десяти минут моим товарищам хватило для того, чтобы определить мою полную бесполезность как игрока. Я мог бы помочь им, разве только держа кольцо для

мяча на должной высоте.

– Потом дашь мне номер своего телефона, и я напишу тебе, где будет проходить подготовка к соревнованию, – сказала она.

– А пока дай мне свой, – прошептал я.

– У меня нет ручки, записать нечем, – отозвалась Майя.

– Я запомню.

– Разумеется, запомнишь, – ухмыльнулась она. Я старался не выдавать свою радость за свои способности, пока она диктовала мне номер, который я тут же и запомнил.

Сестра Катерина и в самом деле попросила меня присоединиться к команде чуть позже в тот же день. Так как у меня не имелось домашнего задания по религии и беспокоиться было не о чем, я мог бы, по ее словам, использовать это время для запоминания важных фактов. Обалдеть можно!

В это время Ребекка продолжала исполнять различные пируэты прямо в классе. При этом ее светлые волосы золотом рассыпались по сторонам, а хор исполнял «Божью благодать». На минутку меня это отвлекло, пока я не заметил, что сестра Катерина смотрит прямо на меня с подозрением. Мне показалось, что я хорошо замаскировался, но оказалось, что нет. Между нами возникло понимание, но также я почувствовал и предупреждение с ее стороны о том, что мое поведение начинает ее настораживать. Тогда я набрал в грудь воздуха и сосредоточился на передней части классной комнаты, пока урок не закончился.

Позже в тот же день я отправил Майе эсэмэску. На это у меня ушло десять минут, хотя написал я всего одну фразу: «Привет, это Адам».

Через секунду от нее пришел ответ: «Спасибки».

Когда Пол заехал за мной после школы, он ни о чем меня не расспрашивал, но мы заехали в «Макдоналдс» за молочными коктейлями. Он продолжает опасаться меня. Хотя мне кажется, ему этого совершенно не хочется.

Когда мы подъезжали к дому, у меня в кармане загудел телефон, и я увидел, что Майя прислала еще одну эсэмэску:

«Кстати, добро пожаловать в группу лузеров».

Мне кажется, я ей нравлюсь.

Глава 7

Доза 1,5 мг. Дозировка прежняя. Кажется, Адам начинает открываться в том, что связано с его болезнью. Отмечается усиление враждебности по отношению к сеансам психотерапии. Все еще отказывается общаться вербально.

26 сентября 2012 года

Ваши комментарии по поводу моего дневника «слишком много самоосмысления», а потому эти записи нельзя считать откровенными, – просто чушь собачья. Я такой, какой есть. Вы просто беситесь и злитесь на меня за то, что я не разговариваю с вами.

Вообще-то меня немного раздражает тот факт, что мой психотерапевт задает мне бесконечные вопросы. Вот вы спрашиваете меня, что я знаю про шизофрению. Это все равно, как если бы я спросил вас, что вы знаете о том, как нужно одеваться, чтобы выглядеть для окружающих надменным снобом. Мне известно о шизофрении все, потому что я живу с ней.

А вот вам факты, которые вы знаете и без меня, но я все равно упоминаю о них, потому что мне хочется казаться умным, и я отчаянно ищу вашего расположения. Это же очевидно.

Шизофрения – слово греческое и буквально переводится как «расщепляться» («шизен») и «разум» («френ»). Но расщепление личности тут ни при чем. И это

не означает множественной личности. «Расщепление» относится к разрыву умственных функций.

В общем, тут появляется целый рог изобилия всевозможного дерьма. Но и это вам тоже хорошо известно.

Понятие «никогда» исчезает и одновременно становится нормой. И позволяет вам расслабиться.

Заметки на полях: у вас дурацкий пиджак. Вам вообще материал в клетку не к лицу. А еще я терпеть не могу вашу прическу. Неужели вы используете специальный мусс для волос, чтобы они становились волнистыми? Выкиньте его подальше. А еще на последнем сеансе у вас целый час ширинка оставалась расстегнутой, но я ничего вам не сказал, потому что: 1) мне не хотелось, чтобы вы подумали, будто я пялюсь на ваше хозяйство и 2) я же с вами не разговариваю, а мимикой это показать было бы весьма затруднительно.

А вот кое-что из того, чего вы не знаете. У моего двоюродного дедушки было то же самое. Он был братом моей бабули, и самое интересное, что я помню из их отношений, это то, что бабуля постоянно притворялась, будто он совершенно нормальный. И на словах всегда получалось, что он обыкновенный человек, ну, только с некоторыми проблемками, и не более. Когда о нем заходила речь, то слово «шизофрения» никогда и не произносилось. Я не уверен, что это как-то помогало, но тогда время было другое, и люди относились с меньшим сочувствием к тем болезням, которые не являются смертельными. Плюс к тому еще моя мама говорила, что официально деду Грегу диагноз никто и не ставил. Если бы у него не было семьи, он, наверное, умер бы где-нибудь на улице.

Он мне нравился. Говорил он негромко и складно. Никогда ни на что не жаловался. Тело у него было идеально здоровым, он был из той породы людей, которые прячут деньги в книгах, возвращая их в библиотеку, а в бакалейной лавке всегда пропускают других в очереди перед собой. А на пианино он играл лучше, чем кто-либо другой, кого мне только доводилось слушать. Играть он научился сам и часто подбирал мелодию на слух.

Большую часть жизни он прожил вместе с бабушкой, а потому самостоятельных крупных расходов у него не было. Вот почему он обучал игре на пианино тех детей, родители у которых не могли себе позволить нанять платного учителя.

Иногда они платили ему овощами со своих огородов. Иногда мамы этих учеников пекли для него печенье. Однажды он вернулся домой в шарфе, который ему связала его ученица, и носил его каждый день в течение целого месяца. Это случилось в июле.

Но вся суть заключалась в том, что, если дети хотели продолжать обучение, они уходили от него, зная основы.

Как жаль, что мне тогда не хотелось учиться…

Дедушка умер примерно в то же время, когда нас бросил мой отец. Но я никогда не забуду того, что он сказал мне, когда пытался научить меня игре на фортепиано. Он случайно подслушал, как моя мама рассказывала бабуле о том, что меня в школе дразнили за какую-то глупость. Это было еще задолго до того, как все поняли, что со мной происходит что-то неладное.

– Большинство людей боятся сами себя, Адам. И они несут с собой этот страх повсюду, надеясь, что этого никто не заметит.

Прежде чем я успел спросить его, что бы все это могло значить, он рассмеялся. У него был такой забавный смех, как звук рожка или горна, который вырывался из него порой в весьма странные и неподходящие моменты. Когда я был еще совсем маленьким, мама говорила, что это его «конек».

И хотя никто не ставил ему диагноз, я знаю, что он был такой же, как я. Разница только в том, что дедушка был по-настоящему добрым, и не важно, в какой степени ты безумный, если при этом ты еще и просто милый человек. Люди тебя простят.

Как-то вы спрашивали меня, чего я боюсь. Я тогда не ответил, потому что мне не хотелось. Говорить об этом – значит, по-моему, считать себя каким-то увечным либо просто прозвучать неубедительным. Но сейчас поздно и надо спать, а заснуть я не могу. А то, что начинает вползать мне в мозги при бессоннице, уже здесь.

Наверняка вы заметили, что я могу достойно защититься от всего того, что может вломиться ко мне в комнату посреди ночи. И все же кулаки у меня сжаты, а глаза ищут источник скребущих звуков под половицами, потому что какая-то часть меня самого все еще верит в то, что те образы, которые я вижу и слышу, являются реальными. И кто-то из них пытается до меня добраться.

Мне вспоминается рассказ, который я когда-то прочитал об одном человеке, которому казалось, что его попутчики в вагоне поезда намереваются убить его. Он убедил себя в том, будто они способны прочитать его мысли и теперь собираются вытащить его из вагона на следующей станции и там забить дубинками до смерти.

Он заперся в туалете и просидел там больше часа.

Когда поезд наконец доехал до остановки, он с жутким криком выбежал из купе и выкинулся из поезда, думая, что попадет на платформу, но не рассчитал и проломил себе череп, свалившись на снег под откос.

Ему было тридцать семь лет. Слишком молодой, чтобы умирать.

Я сделал вывод о том, что в большинстве рассказов, по крайней мере в тех, которые я читал в школе, поезда всегда имеют какое-то большое значение. Они представляют собой некое приключение по дороге в смерть.

В углу моей комнаты я вижу мужчину, прячущегося в тени. На нем черный котелок, а в руке он держит трость с изогнутой ручкой. Через определенный промежуток времени в несколько минут он сверяется со своими часами и смотрит на меня.

– Время почти подошло, – постоянно бормочет он себе под нос. – Готовься бежать. Поезд уже подходит.

– Время подошло для чего? – так и хочется мне спросить у него.

Но он только улыбается и ничего не говорит. А ему и не нужно мне отвечать.

И хотя у этого типа жутковатый вид и мне хочется, чтобы он ушел, боюсь я совсем не его.

Я боюсь того времени, когда я еще считал, что все – и этот тип тоже – существуют на самом деле.

Я боюсь, что когда-нибудь не смогу наблюдать за парадом галлюцинаций так, чтобы при этом не делать всего того, что они мне. Поскольку боюсь, что лекарство перестанет помогать. А вот тогда у каждого появится резонная причина опасаться меня самого.

Глава 8

Доза 1,5 мг. Доза не меняется. Никаких перемен.

3 октября 2012 года

Голый парень появляется время от времени. Это, наверное, самая дикая моя галлюцинация. Он выше меня. И абсолютно голый. То есть совершенно. Я мысленно прозвал его Джейсоном. Особых причин на это нет, но ему просто подходит это имя – типичный Джейсон.

В общем и целом он парень неплохой. Он напоминает мне о том, что двери перед людьми надо открывать и держать открытыми. Что людей надо благодарить по разным поводам. Ну, и всякую такую ерунду. Но помимо этого у меня с ним нет никаких отношений. Джейсон – это просто громадное голое нечто, расхаживающее по коридорам моей школы. Это какое-то безумие даже для галлюцинации.

Теперь, оказывается, предполагается, что мне не нужно называть себя сумасшедшим. Это я прочитал в одной из тех книг, которые мама купила вскоре после того, как мне был поставлен диагноз. Там везде говорится о том, что вы должны любить свое чадо из шоу фриков, и совершенно не важно, сколько у

него набралось воображаемых друзей.

Ну, как бы там ни было, как-то раз мы сидели с голым Джейсоном рядом с классной комнатой, и тут мимо нас проходит Йен с каким-то парнем, а в руках у них ведро с надписью «ОТХОДЫ», которое они тащат из лабораторной кабинета биологии. Они явно шли выбрасывать крупные останки лягушек, которые нельзя было слить в раковину, и я не поднимал глаз еще пару секунд после того, как они прошли мимо. У меня даже не было времени понять, что произошло, когда они вдруг выплеснули примерно треть содержимого своего ведра мне на колени, а потом рванули дальше по коридору, хохоча, как идиоты, и расплескивая остатки отходов по полу. У меня до сих пор их смех в ушах звенит. Они ведь умышленно вылили эту гадость именно на меня. Даже Джейсон, симпатичнейший парень из всех мне известных, который постоянно за все извиняется, только и мог, что проговорить: «Старик, ну что за фигня!», после чего полностью растворился в воздухе.

Я попытался кое-как очиститься в туалете, но только все это оказалось делом бесполезным, тогда мне пришлось идти в кабинет к медсестре. Она посмотрела на меня так, будто я специально окунулся в ведро с формальдегидом и лягушачьими потрохами, после чего все же выдала «сменные» шорты из школьной формы, которые, хотя и подошли мне в поясе, все же оказались сантиметров на пять короче, чем того хотелось бы. Длинноволосая курчавая женщина едва сдерживала смех, когда я вышел из туалета.

– Прости, – выдавила она, продолжая улыбаться, – длинней ничего не нашлось.

– Обалдеть!

– Тебе осталось всего пару часов, потом домой. Не переживай!

Мне нравится, когда люди предлагают тебе не волноваться по какому-либо поводу, насчет которого им самим вообще наплевать. Однако новые шорты не смогли до конца скрыть слабый запах, идущий от меня, несмотря на то, что свои насквозь промокшие трусы я все же успел выбросить, пока переодевался.

Перед физкультурой оставался еще урок английского, который предстояло высидеть. Дуайт видел, как я входил в кабинет медсестры, поэтому мне пришлось рассказать ему обо всем, что случилось. Весь урок он подробно

комментировал происшедшее, делая упор на то, какой же все-таки козел этот Йен. И я оценил его старания, несмотря на тот факт, что при малейшем неверном движении слышал хлюпающие звуки между своими ягодицами.

Находиться в школе без трусов – это что-то невероятное и ужасное.

А присутствовать при этом на уроке физкультуры – занятие исключительно некомфортное.

Сеточка в моих спортивных шортах мало помогала. Я хорошо чувствовал, как трутся мои яички об эластичную ткань. Йен и тот другой парень (кажется, его зовут то ли Зейн, то ли Блейн… короче, как-то по-дурацки) несколько раз за урок оборачивались на меня, чтобы понять, как я себя чувствую. Выражение их лиц было такое, словно они сами напрашивались на то, чтобы их немедленно расплющить об землю. Ребекка только покачивала мне головой с трибун.

Потом мы пошли к шкафчикам вдвоем с Майей. Дуайт вернулся в церковь, где было собрание у служек, так что сейчас наступил один из тех редких моментов со дня ее спасения в бассейне, когда мы с ней оказались наедине друг с другом. Несколько секунд она удивленно вдыхала воздух, но ничего не говорила. То, что раньше было легким запахом химикатов, сейчас превратилось в слабый запах химикатов с явной примесью аромата потных яичек.

– Мне кажется, что Йену просто завидно, что ты выше его.

– Что? – переспросил я. Это заявление возникло словно ниоткуда и не по делу.

– Ты высокий. А он среднего роста, но все его братья тоже высокие. Мне кажется, он достает тебя только потому, что завидует твоему росту.

– Зачем кому-то делать другому пакости только из-за того, что кто-то вырос повыше?

– Ну, ты еще и симпатичней его, – продолжала она.

– Да ну! – отреагировал я.

– Увидимся.

Она зашла за угол прежде, чем я сообразил, что бы мне сказать такого умного. В результате весь остаток дня я чувствовал себя полным идиотом. Да ну.

Я сказал именно это?! Да ну?!!

Я мог сказать что угодно другое, только не это. Например, спасибо.

Да ну.

Мой уровень тупости достиг неслыханных высот. Но и сейчас я даже представить себе не могу, что мне нужно было сказать в тот момент.

Предполагается, что мне не следует думать о своей болезни так, будто я могу и должен с ней что-то сделать. Говорят, лучше считать, что она является частью меня самого, которая не совсем адекватно соотносится с остальными моими частями. Но это же чушь собачья!

Важная вещь в сумасшествии – это сознание того, что ты сумасшедший. И вот то, что ты это сознаешь, как раз и делает тебя менее сумасшедшим.

Интересно, а у вас раньше был когда-нибудь такой пациент, который бы отказывался разговаривать с вами? Наверное, вы сейчас зарабатываете самые легкие деньги в своей карьере. Вы читаете мои записи, самодовольно киваете какое-то время, а потом пытаетесь вовлечь меня в беседу.

А не испытываете ли вы чувство вины, когда берете деньги у людей с психическими заболеваниями? Точней, у членов их семей. У людей, которые верят вам, верят в то, что вы вылечите человека. Они же вроде тех чудаков, которые тратят все свои деньги на экстрасенсов и ясновидящих, которые говорят им именно то, что те хотят услышать.

И все же я не виню вас в том, что вы выбрали именно такой стиль работы. Люди с психическими заболеваниями просто восхитительны. Как-то раз, когда мне было лет десять, Пол с мамой отвезли меня в Сан-Франциско, где, как

выяснилось, полно бездомных людей. А значит, и уйма сумасшедших.

Трудно не пялиться на этих людей, когда на них, как говорится, «находит». Какой-то тип в парке умудрялся выдувать мыльные пузыри с помощью собственной слюны и крошечного кусочка мыла. Он сидел на крышке мусорного бака, выдувал свои пузыри на всех прохожих и при этом вел весьма оживленную беседу с кем-то, не видимым никому другому, кроме него.

Помню, я тогда рассмеялся, а мама бросила на меня такой строгий взгляд, какого я еще не видел. Не думаю, что сейчас я бы расхохотался. Ну, может, и расхохотался бы. Сценка была развеселой.

Я не трачу свое время на то, чтобы жалеть людей с психическими заболеваниями, поскольку не хочу, чтобы и меня жалел кто-то незнакомый. Мне не нужна жалость – она еще никому не принесла ничего хорошего. Мы видим мир по-другому и придумываем свои собственные правила. Вот это и пугает всех окружающих. Может, им просто завидно. Но скорее всего – нет.

Вот почему я люблю читать жизнеописания святых. В школе святой Агаты многие книги запрещены (например, про Гарри Поттера, так как они, по предположениям, ведут к тому, что дети начинают верить в мистику), зато тут множество томов о житиях святых, которые на самом деле куда более скандальные и возмутительные. Как мило читать о тех людях, которые совершенно слетели с катушек, но им все это сошло с рук.

А вы знаете, кто по-настоящему безумен? И одновременно восхитителен?

Жанна д’Арк. Дева Орлеанская.

У нее были видения в образе архангела Михаила, святой Катерины и святой Маргариты, и все они велели ей поддерживать Карла VII и стояли за то, чтобы Франция избавилась от британского правления во время Столетней войны. Жанна слышала голоса и на самом деле повела армию при осаде Орлеана. Люди просто жаждали верить во все религиозные чудеса, а потому позволили девочке-подростку возглавить целое политическое движение, поскольку она была божественно вдохновлена. Жанна представляла собой излучающее свет олицетворение власти и откровенного неповиновения.

Ну и, разумеется, именно поэтому они ее впоследствии и сожгли заживо.

* * *

Вчера Майя прислала мне эсэмэску, где указывала число и время первой встречи и тренировки ученой команды. И я ей ответил:

Я: Спасибо! Я что-то должен знать перед тем, как отправлюсь на встречу?

Майя: Все. Самые разные факты. Старые кинофильмы. Названия столиц. Классическую литературу.

Я: Какие именно старые фильмы?

Майя: Например, «Унесенные ветром», «Волшебник страны Оз», «Касабланка». Они любят черно-белые.

Я: Отлично. «Касабланку» я смотрел.

Майя: Поздравляю.

Я: ?

*Примечание: Поставить смайлик – самое адекватное действие почти во всех случаях, когда вы не знаете, как еще можно ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uolton_dzhuliya/slova-na-stene

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити